

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-316-329>
EDN: DUEVED

Научная статья / Research article

Концессионная политика под прицелом революционного самосознания: трудовые и ведомственные конфликты

Ольга Морозова ^a, Татьяна Трошина ^{b,c}

^a Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

^b Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

^c Северный государственный медицинский университет, Архангельск, Россия

tatr-arh@mail.ru

Аннотация: Исследуется период новой экономической политики, когда советским руководством был снят ряд хозяйственных и производственных проблем, что, в свою очередь, вызвало череду трудовых конфликтов, связанных с затягиванием восстановительного периода, а также с разочарованием активной части населения в лозунгах социалистической революции как чрезмерно отдаленной перспективы. На большом количестве разноплановых источников раскрываются взаимоотношения иностранных концессионеров с местной властью и населением территорий, переданных им советским руководством для эксплуатации природных ресурсов. Акцент сделан на двух видах концессий – лесных (в северных губерниях) и сельскохозяйственных, продолжавших в определенной степени традицию немецкой колонизации южных русских земель. Выявлено общее и различное в поведенческих стратегиях концессионеров в отношениях с рабочими, профсоюзным активом, а также с местным населением, представителями партийной и советской власти на местах. Не останавливаясь на «хищнических» формах эксплуатации переданных в концессию природных ресурсов, авторы, помимо государственной линии на постепенное сворачивание концессионной программы, рассматривают и другую причину ликвидации концессий – протест разбуженного «возвращением» элементов западного капитализма рабочего самосознания, поддерживаемый, в первую очередь, местными партийными функционерами.

Ключевые слова: НЭП, Друзга, Маньч, Русанглолес, Северолес, советская концессионная программа, трудовые конфликты

Благодарности и финансирование: Статья подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом РФФИ (проект № 22-18-20061).

Для цитирования: Морозова О.М., Трошина Т.И. Концессионная политика под прицелом революционного самосознания: трудовые и ведомственные конфликты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 2. С. 316–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-316-329>

Concession Policy in the Crosshairs of Revolutionary Self-Consciousness: Labor and Departmental Conflicts

Olga Morozova ^a, Tatiana Troshina ^{b,c}

^a Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

^b Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

^c Northern State Medical University, Arkhangelsk, Russia

tatr-arh@mail.ru

Abstract: The New Economic Policy solved a number of economic and production problems for early the Soviet Union. At the same time, it caused a series of conflicts associated with the delays of the reconstruction period, as well as with the the disappointment of the more political active part of

the population as it undermined the slogans of the socialist revolution as too distantly obtainable a prospect. The article examines the relations of a specific group of foreign concessionaires with local authorities, and the population of the territories handed over to them by the Soviet authorities for the exploitation of natural resources by utilizing a large number of diverse sources. The emphasis of the authors is placed on two types of non-industrial concessions – foresting (in Northern provinces) and agriculture, practices which continued, to some extent, the tradition of German colonization of southern Russian lands. The authors reveal common and different behavioral strategies of the concessionaires in their relations with the workers, and with the trade union activists; as well as in the attitude of the population and the local party and Soviet authorities to them. Without dwelling on the “predatory” forms of exploitation of the conceded natural resources, or the state line of gradually winding down the concession program, the authors consider another reason for the liquidation of concessions – protest by workers as their self-consciousness was awakened by the “return” of elements of Western capitalism by local party functionaries.

Keywords: NEP, Druzag, Manych, Rusangoles, Severoles, Soviet concession program, labor conflicts

Acknowledgements and Funding: The article was prepared with support from the Russian Science Foundation grant (Project No. 22-18-20061).

For citation: Morozova, Olga, and Troshina, Tatiana. “Concession Policy in the Crosshairs of Revolutionary Self-Consciousness: Labor and Departmental Conflicts.” *RUDN Journal of Russian History* 22, no. 2 (May 2023): 316–329. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-2-316-329>

Введение

Исторический опыт, в том числе региональный, «выживания» в условиях экономических санкций, уроки масштабного привлечения иностранного капитала в базовые отрасли отечественного хозяйства сохраняют как научную, так и практическую актуальность. Перед концессионной программой Советской России ставилась задача привлечения недоступных иным путем валютных инвестиций и передовых технологий. Большевистское правительство заявляло, что это поможет получить необходимые советскому государству технологии и машины, а также, пользуясь потребностью в российском сырье, внести на основе экономической конкуренции разлад в единство Запада в его противостоянии Советской Республике.

К 1927 г. в СССР насчитывалось около 60 работающих предприятий с иностранным участием. При всей скромности доли концессий в них как в линзе отразились организационно-хозяйственные трудности и социально-политические конфликты, характерные для эпохи нэпа и начального этапа социально-политических преобразований. Эти производства стали ареной конфликтов между всеми участниками событий – от ответственных наркоматов и иностранных концессионеров до рядовых граждан. Изучение сложившихся многозначных оценок концессионной политики способствует пониманию природы раннесоветского общества, намечавшихся линий раскола и будущих внутривластных противостояний.

О широте проблематики можно судить по обзорным историографическим работам¹. В отечественной историографии новейшего времени существенное место занимают и вопросы концессионной политики Советского государства. Помимо основной деятельности иностранных компаний рассматриваются их взаимоотношения с трудовыми коллективами и профсоюзами². Возникавшие конфликты становились следствием, по мнению авторов, несоразмерных требований рабочих, профсоюзов и органов власти к концессионерам. В то же время отмечалась ведущая роль советских учреждений в их разрешении. Отметим, что такая сложность

¹ Мухин М.Ю. Сто лет изучения нэпа. Время подводить итоги? // Российская история. 2020. № 5. С. 3–14; Фельдман М.А. Современная историография нэпа; столетия не хватило // Новая и новейшая история. 2022. № 4. С. 27–41; Клещкина О.Г. Новая экономическая политика: некоторые аспекты современных научных исследований // Вестник Удмуртского университета. Сер. «История и филология». 2021. Т. 31. Вып. 4. С. 764–776.

² Юдина Т.В. Советские рабочие и служащие на концессионных предприятиях СССР в годы НЭПа. Волгоград, 2009; Левин М.И., Шевелева И.В. Иностранные концессии в 1920-х годах в СССР: «почему расстались»? // Вопросы экономики. 2016. № 1. С. 1–20.

конфигурации социально-классового разлома, сложившегося на предприятиях с иностранным участием, подтверждается и выводами специалистов в области концессионной практики в 1920-е гг.³ Помимо трудовых споров концессии с иностранным участием вызывали трения и дискуссии между советскими учреждениями, по-разному оценивавшими значение программы. Этот пласт экономического взаимодействия, вписанный в общий круг порождаемых присутствием иностранного капитала в СССР разногласий и недоразумений, является новым подходом в изучении этой не теряющей своей актуальности проблемы.

Авторы намерены выяснить конфигурацию отношений между структурами, участвующими в выполнении концессионной программы СССР, на примере концессионных предприятий ресурсно-сырьевого профиля. Подобные концессии имеют некоторую особенность по сравнению с производственными, где основными участниками процесса были рабочие и новые капиталисты-иностранцы под внимательным наблюдением советских и партийных органов. Более сложная система взаимоотношений концессионеров на окраинах огромного государства включала значительно большие массы населения – членов заготовительных артелей, сезонных рабочих. Нередко подобные концессии обеспечивали занятость целых территорий, становясь, выражаясь современным языком, «градообразующими».

Использованные источники отражают все уровни данного сектора народного хозяйства страны. Документооборот учреждений (Главный концессионный комитет при СНК СССР (ГКК), Концессионный комитет при СНК РСФСР (Концеском), Концессионная комиссия Народного комиссариата земледелия РСФСР и др.) содержит сведения о многочисленных инцидентах, возникавших вокруг руководимых иностранцами предприятий. Дополнительным, но весомым источником стали протоколы и стенограммы советских, профсоюзных, партийных конференций; отчеты контрольных комиссий и письма в ЦК ВКП(б), ВЦСПС; переписка руководства концессионных предприятий с наблюдающими органами, внутреннее делопроизводство концессионных организаций, а также следственные дела и судебные решения по жалобам рабочих или работодателей. Мемуары советских чиновников и специалистов⁴, иностранных служащих концессионных предприятий⁵, опубликованные за границей, содержат массу нюансов, иллюстрирующих психологическую атмосферу «возвращения капитализма».

СССР на этапе восстановления экономики, разрушенной гражданской войной, был прежде всего заинтересован в лесных, сельскохозяйственных и промышленных предприятиях⁶. Иностранцев привлекали ресурсно-сырьевые концессии. Помимо горнодобывающих таковыми были лесные (на Севере) и сельскохозяйственные (в основном на Юге России). Лесных концессий работало шесть. Число сельскохозяйственных было примерно таким же с тенденцией к сокращению за счет реорганизации их в совхозы. В данной статье представлены отношения вокруг английской, голландской и норвежской лесных концессий на Европейском Севере России, а также германских сельскохозяйственных концессий в Северокавказском крае – «Друзаг» (вблизи г. Армавир) и «Маньч» (Сальский округ). В последнюю были вложены деньги сталелитейного концерна «Фридрих Крупп».

Авторы провели работу по классификации противоречий концессионной практики исходя из состава участников и мотивации их действий экономического и политического характера.

³ Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 3405 Ф. А-425. Д. 3. Л. 263-а-о.

⁴ *Liberman S.I. Building Lenin's Russia. Chicago, 1945; Вилькицкий Б.А.* Когда, как и кому я служил под большевиками. Воспоминания белогвардейского контр-адмирала. М.; Берлин, 2016.

⁵ *Абрахамсен Э.* Из Серёгова в Онегу. Воспоминания о норвежском лесном бизнесе в России / пер. с норвеж. Архангельск, 2016.

⁶ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 921. Л. 141.

Трудовые конфликты работников с администрацией концессионных предприятий

К первому типу конфликтов могут быть отнесены выступления рабочих, непосредственно работавших на иностранных концессиях. Обычно они возникали там, где хозяева наиболее последовательно внедряли капиталистические способы эксплуатации, уповая на гарантию независимости внутренней хозяйственной жизни, которая предусматривалась типовым концессионным соглашением. Рабочие возмущались несоблюдением законов о труде в стране победившей социалистической революции, отказом на части территории от основных лозунгов советской власти.

Стараясь объяснить населению необходимость введение иностранных концессий, власть, возможно, перестаралась. Диалектический замысел концессионной программы разъяснялся следующим образом:

Развивая производство в своих собственных интересах... [иностранцы капиталисты] льют воду на нашу советскую мельницу, усиливая нашу экономическую мощь⁷.

Иностранцы арендаторы облагались высокими государственными и местными налогами, которые предполагалось направлять на улучшение быта и снабжения населения. Подтверждалось, что на концессионных предприятиях сохранятся все социальные гарантии и что советская власть не допустит роста безработицы, поскольку ввоз рабочей силы из-за границы, включая «высококвалифицированный научно-технический и конторский персонал», будет ограничен⁸. В концессионных договорах оговаривалась более высокая заработная плата, чем на советских предприятиях такого же профиля.

На первом этапе своей деятельности концессионеры как работодатели получили высокую популярность. Заработали стоявшие лесозаводы; полученные кредиты ввозились в неземледельческую Архангельскую губернию в виде продуктов питания, орудий труда, одежды и обуви, других предметов широкого потребления, что смирило даже всегда подозрительных крестьян с появлением капиталистов, да еще и иностранцев. В Северокавказском крае отмечался наплыв из других губерний желающих устроиться на работу в иностранные предприятия. Однако спустя определенный срок к концессионерам, к которым выдвигались завышенные требования на всех уровнях, возникали вопросы, прежде всего по условиям труда и быта, а в дальнейшем и по зарплате.

Характерным было недовольство концессионеров необходимостью учета советских законов о труде. Поясняя провалы в экспортных операциях, директор-распределитель «Руснорвеголес» Ф. Прютц ссылался на чрезвычайно высокие расходы по соцстраху, рабочим клубам, завкомам, культпросвету и пр. «непродуктивные расходы по жилстроительству», что делало продукцию неконкурентной на мировом рынке. Из 100 тыс. фунтов стерлингов «непроизводственных расходов» 40 тыс. ушло на страхование, 10 тыс. – на рабочие клубы, профсоюзные и рабочие комитеты. Концессионер прокомментировал эти цифры следующим образом:

Сумма эта вне всякой пропорции с действительной стоимостью рабочего страхования в любой другой стране, и я сомневаюсь, что даже незначительная часть этой суммы была действительно выплачена рабочим <...> Было бы справедливее предложить рабочим создавать их за счет собственных взносов, как в большинстве стран мира...⁹

⁷ Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО). Ф. 230. Оп. 1. Д. 28. Л. 130.

⁸ Там же. Л. 72, 130–133.

⁹ Там же. Ф. 71. Оп. 1. Д. 196-а. Л. 160 об. – 166.

Примером перманентных внутренних конфликтов стала концессия «Друзаг». Советские законы предписывали работодателю создавать для работников благоприятные бытовые и производственные условия. Однако это требование на данном предприятии выполнялось неохотно из-за дороговизны и дефицита материалов, и из-за желания сэкономить на рабочих. Перечень недвижимости на территории СССР, которой владел «Друзаг» к 1933 г., свидетельствует, что такие возможности были¹⁰.

Неизменно пренебрежительное отношение директората «Друзага» к нуждам работников стало причиной в июле 1925 г. получившей резонанс забастовки. Она была вызвана нарушениями коллективного договора, а именно: несвоевременной выплатой зарплаты, уменьшением выдачи хлеба, задержками в оборудовании жилых казарм и грубым обращением администрации¹¹. Год от года ситуация в концессии становилась все более напряженной, обостряясь каждые полгода во время кампаний за перезаключение коллективного договора. Концессионер постоянно жаловался на чрезмерность требований. В урегулировании ситуации принимали участие высокие московские кабинеты. Межведомственная комиссия, представители которой посетили хозяйство в июле 1929 г., установила причину конфликта. Исходной точкой она считала хроническую нерентабельность производства, вызванную несоблюдением элементарных требований аграрных технологий. Свои убытки администрация пытается покрыть, экономя на рабочих. Те протестуют, как умеют, а дирекция, как отмечалось, норовит отобрать из общей массы наиболее смиренный элемент, избавляется от буйных, не останавливаясь перед нарушением колдоговора¹².

Идя на это, директорат был уверен в своей неприкосновенности даже в случае несоблюдения советского законодательства. Дело в том, что «Друзаг» находился под покровительством правительственных кругов Германии. Этот фактор учитывал ГКК, но не рабочие «Друзага». Среди них были не только подданные Германии, но и советские немцы, поскольку концессия располагалась на землях бывших немецких колоний. Их отношение к соплеменникам было даже более требовательным, особенно у советских работников Ванновского района. Они поддержали претензии рабочего коллектива и фабкома концессии и санкционировали в 1930 г. возбуждение уголовного дела в отношении управляющего и его заместителя, и только заступничество германского МИДа снизило градус напряжения вокруг концессии. В ситуацию вмешались главные концессионные комитеты, дав указание местным органам умерить натиск¹³.

Уровень зарплаты на концессионных предприятиях был выше, чем на аналогичных государственных производствах. В лесных она была выше на 15 %, и это объяснялось конкуренцией за рабочие руки на всех этапах производства: рубщиков и сплавщиков леса, мастеров на заводских работах. В малонаселенном лесном краю Архангельской губернии всегда был дефицит рабочих рук, за которые велась острая борьба. Затраты закладывались в цену продукции, которая легко реализовывалась на любом из рынков – внутреннем и внешнем. Кроме того, расходы по заработной плате относились к капиталу, который концессионер должен был инвестировать в производство на территории СССР. Тем самым он сокращал свои вложения в валюте. Советская сторона видела в этом недобросовестную конкуренцию, что становилось предметом разбирательства в различных комиссиях¹⁴.

¹⁰ Государственный архив РФ (далее – ГА РФ). Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 249; Оп. 4. Д. 73. Л. 69, 160.

¹¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 216. Л. 146.

¹² ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 24.

¹³ Там же. Л. 104, 105, 108–109, 115, 118, 119–120, 122.

¹⁴ РГАЭ. Ф. 7758. Оп. 1 Д. 73. Л. 104, 105.

В «Маньче» зарплата наемных работников до 25 % превышала совхозную, в «Друзаге» – на 10–15 %¹⁵. Вначале это достигалось переходом на сдельную форму оплаты труда. Крупшовская администрация платила трактористам по 3 руб. за вспаханную десятину. Как отмечал в 1924 г. проверяющий инспектор, высокий заработок был связан с более высокой производительностью труда, обусловленной использованием системы организации и учета труда Ф. Тейлора, исключавшей возможность прогула или потери рабочего времени¹⁶. Повышенная зарплата была хорошим стимулом, и, хотя рабочий день мог длиться 12–14 часов, возражений не поступало. Но в дальнейшем заработки регулировались тарифной сеткой, оклады по разрядам которой определялись коллективным договором. Кампании по заключению новых соглашений нередко приводили к обострению ситуации на предприятиях. Раздражающим фактором была сама необходимость договариваться с иностранными капиталистами. В сентябре 1925 г. наиболее высокооплачиваемая группа работников – трактористы потребовали расчета зарплаты не по 8-му разряду, как было определено окружной конфликтной камерой на основании инструкций Наркомата труда, а по 10-му разряду. В случае отказа рабочие грозили бросить полевые работы. Их реальный заработок был высоким – более 100 руб., так как им выплачивалось 50 % надбавки за десятичасовой рабочий день¹⁷. Часть механизаторов была из числа демобилизованных красноармейцев. В их демарше трудно не увидеть классовый подтекст.

Ощущение погранных побед подогревал гедонистический образ богатого иностранца. Руководство концессий демонстрировало барские повадки. Германские концессионеры на Северном Кавказе держали конюшню породистых верховых лошадей, имели коллекцию охотничьих ружей, приглашали друзей из-за рубежа на охоту. Неприятные воспоминания порождала практика чинопочитания и величания, которая вводилась в концессиях. Так, главноуправляющего «Маньча» О.П. Клетте именовали «господин полковник»¹⁸. Директор «Друзага» Дитлов велел рабочим раскланываться с ним при встрече. Позже объяснял это правилами приличия в культурных странах¹⁹. На предприятиях всегда были «черные» и «белые» столовые и прачечные, что было поводом для недовольства²⁰. Поэтому не стали неожиданными устроенные работниками «Друзага» стихийные празднества, когда в сентябре 1933 г. было получено сообщение о ликвидации концессии. Рабочие остановили работы не только в поле, но и в кошарах, оставив скот без ухода, и прошлись по главной усадьбе с плакатами и барабанным боем²¹.

Рабочкомы и охрана прав советских трудящихся

«Партийная, государственная, профсоюзная работы на концессионных предприятиях требуют особого внимания», – отмечал в своем докладе проверяющий Архангельскую парторганизацию инструктор ЦК ВКП(б)²², и в его словах отразились опасения потери влияния и превращения концессионных предприятий в привлекательный пример успешного хозяйствования не на социалистических основаниях. Если условия труда были ненормальными, то советские граждане подвергались повышенной эксплуатации. Если рабочие были довольны, то это было «не политично,

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1765. Л. 29–30; Там же. Д. 1766. Л. 102–103.

¹⁶ Там же. Д. 1765. Л. 29–30; Д. 1766. Л. 102–103.

¹⁷ Там же. Д. 1763. Л. 5, 7.

¹⁸ Там же. Д. 1777. Л. 85.

¹⁹ Там же. Д. 1629. Л. 84.

²⁰ Там же. Д. 1765. Л. 30–31.

²¹ Там же. Оп. 4. Д. 73. Л. 31–36, 64, 65.

²² Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 53.

и деморализующе» действовало на соседние предприятия²³. Получая высокую для отрасли зарплату, рабочие концессионных предприятий становились союзниками администрации, и влияние партийных и общественных организаций стремительно таяло. Партийные функционеры с тревогой замечали, что происходит своего рода спайка значительной части рабочих с администрацией. Отстранение или отдача под суд представителя администрации приводили не только к протестам владельцев (которые через своих адвокатов доказывали, что сотрудника частного предприятия нельзя привлекать как государственного служащего, например, «за должностные преступления»), но и к ходатайствам и заступничеству рабочих.

Противодействовать этому были призваны низовые профсоюзные и партийные организации. Их лидеры видели себя участниками классовой борьбы нового типа, чем заслужили нелюбовь администрации. На архангельских лесозаводах, переданных в аренду иностранным концессионерам, губернскими партийцами отмечалась «особая стратегия руководителей предприятий»: мол, директор завода АО «Русголландлес»

ни за что не пойдет ни на какие уступки с партийным членом завкома, а <...> с беспартийным идет на уступки²⁴.

Одним из поводов для конфликтов между администрацией и фабкомами (рабочкомами) были сверхурочные часы. На концессионных производствах сезонного цикла профсоюзы устанавливали восьмичасовой рабочий день, который не позволял выполнять работы в срок. Отчасти это делалось, чтобы удорожать тариф за сверхурочные часы. В других случаях низовые профячейки бились за их полный запрет, несмотря на то что законы о труде довольно лояльно регламентировали этот вопрос: достаточно было его согласовать с местной рабочей инспекцией.

Лесным и сельскохозяйственным концессиям такая позиция рабочкома приносила огромный ущерб. Отличным способом обойти восьмичасовой рабочий день был артельный наем. Концессионер имел дело со старостой артели, мог не вносить положенных законом социальных платежей, не тратиться на инструменты и орудия, поскольку у артели они были свои. Кроме того, сезонные и артельные рабочие из крестьян-единоличников в отличие от постоянных рабочих были меньше знакомы с трудовым законодательством и с расчетами за труд. Они не находились в ведении рабочкома и во внутренних конфликтах не участвовали²⁵. Однако «смычка рабочих и крестьян», наметившаяся в революционные годы, просветила крестьян в отношении их прав, дарованных революцией. «Полупролетарские элементы деревни» – батрачившие ли на сельскохозяйственных концессиях Юга России, или выполнявшие задания по лесозаготовкам на Севере – начинали требовать распространения условий коллективных договоров, законов о труде и на себя. Властью такое «опрофсоюзивание деревни» воспринималось как проявление контрреволюции²⁶, и в данном отношении чаще поддерживались концессионеры.

Кампании по перезаключению коллективного договора с администрацией были целиком в ведении рабочкомов. Желая сохранить поддержку рабочих, они предъявляли явно завышенные требования²⁷. Концессионер обычно жаловался наверх, в ГКК, называя деятельность профорганов всех уровней «вредительской, террори-

²³ ЦДНИРО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 34. Л. 1.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 4, 6.

²⁵ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1675. Л. 44 об.; Государственный архив Ростовской области (далее – ГАРО). Ф. Р-3570. Оп. 1. Д. 303. Л. 5; ЦДНИРО. Ф. Р-76. Оп. 1. Д. 1129. Л. 89–90; Д. 34. Л. 1 об.

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 174. Л. 16–17.

²⁷ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1771. Л. 90, 126.

стической, рваческой»²⁸. Так обстояло дело вокруг «Друзага». Ситуация на крупновской концессии была иной. Выдержав первое столкновение с рабочкомом в 1923 г. за ставки оплаты полевых работ и рабочие часы, концессионер выделил средства на приобретение библиотеки и устройство полей для игры в футбол и крокет. И рабочком согласился на 10-часовой рабочий день летом и 8-часовой зимой со сверхурочными по разрешению инспектора труда и оплатой по повышенным расценкам. Нормализация отношений объяснялась еще и тем, что председатель рабочкома и инструктор по охране труда получали жалование из средств концессионера выше, чем квалифицированные рабочие²⁹.

Ряд конфликтов возникал при отсутствии по-настоящему весомых оснований для рабочего протеста. В одних случаях поводом стали личные обиды, но чаще это были попытки завоевать авторитет повышением зарплат, закреплением за рабочкомом права приема и увольнения работников, повышением сознательности рабочих. По распоряжению председателя рабочкома С.Э. Зайцева в «Маньчже» были остановлены работы в годовщину смерти В.И. Ленина (21 января 1925 г.), хотя этот день по стране был объявлен рабочим. Он освобождал от выхода на работу выполнявших общественные «нагрузки». Упрек в самоуправстве, брошенный ему администрацией, он назвал оскорблением советской власти и поставил вопрос об увольнении его с работы. Вскоре по предложению ЦК отраслевого союза Всерабоземлес Зайцев был снят³⁰.

В 1930 г. председатель рабочкома «Друзага» Стоеросов останавливал полевые работы в период всех многочисленных революционных праздников. Администрация, пытаясь предотвратить срыв рабочего графика, предложила двойной тариф, но рабочком, поддержанный рабочими, ответил отказом³¹.

Если конфликт возникал внутри концессионного предприятия – между директором и председателем профячейки, то вышестоящие инстанции вмешивались, дабы ослабить противостояние, энергично одергивая разбушевавшегося пролетария. Если же между местным профлидером и администрацией складывались отношения душевного согласия, это вызывало жгучую обеспокоенность сверху. Озабоченность вызывали «подачки» и «спаивание» профсоюзных функционеров³², но такое чаще встречалось на дававших прибыль промышленных и лесных концессиях.

Иностранные концессии под контролем советских учреждений

Штаты советских учреждений в 1920-е гг. заполнили участники Гражданской войны и беспартийные специалисты. Все они встретили концессионную программу в целом позитивно. Говоря словами одного из партийных активистов, в создавшихся условиях только с помощью иностранного капитала можно быстро восстановить промышленность и собрать распыленный кадр пролетариата, поэтому «вряд ли найдется хотя бы один коммунист, кто против» концессионной политики государства³³. Но существовало понимание, что данная политика несет с собой и риск возможного превращения России в сырьевую колонию Запада и раскола рабочего класса в условиях многоукладной экономики. В.И. Ленин подчеркивал, что успешность программы зависит от постановки дела, будучи проведенной «в меру и осто-

²⁸ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 23–24.

²⁹ Там же. Д. 1777. Л. 83.

³⁰ Там же. Д. 1766. Л. 109, 169–170; Д. 1768. Л. 245.

³¹ Там же. Д. 1629. Л. 171.

³² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 16. Д. 7. Л. 46, 52.

³³ Минаев М. О наших концессионных переговорах // Внешняя торговля: еженедельник НКВТ. 1922. № 20. С. 1–2.

рожно»³⁴. Общая утвердительная реакция советских учреждений была определена получением распоряжений сверху. Оппозиции ни слева, ни справа, по сути, не было.

Партийные функционеры и хозяйственники пристально следили за деятельностью концессионных предприятий в рамках своих должностных обязанностей. Основная нагрузка легла на Наркомат земледелия, губернские и краевые земельные управления.

Ожидалось, что сократится безработица, пополнится налогами бюджет, оживится потребительский рынок. Не дождавшись обещанного, население стало роптать, а местные власти постарались во всем обвинить концессии и концессионеров, что стало достаточно массовым явлением. Комиссия Политбюро ВКП(б) по концессионной политике (18 июля 1925 г), отмечая причины неудач, кроме прочего назвала «недоверчивое, придирчивое, иногда враждебное отношение местных органов к концессионным предприятиям»³⁵. Председатель правления треста «Северолес» (под эгидой которого были созданы так называемые «смешанные» лесные концессии), старый большевик К.Х. Данишевский обращал внимание, что после относительно комфортного для местных властей периода военного коммунизма «мы отвыкли от деловой хозяйственной работы»³⁶. Директор-распорядитель «Северолеса» С.И. Либерман писал, что местные власти более заинтересованы в субсидиях из центра, чем в организации конкурентоспособных предприятий³⁷. Следствием национализации стала потеря чувства долга при исполнении любых взятых на себя обязательств. Так, при передаче концессионных лесных участков в Архангельской губернии «Русанглолес» получил обязательства возвращения (путем отработки на заготовках) продовольственных ссуд, выданных волостным исполкомам в качестве аванса. Однако вскоре по декрету долги крестьянам были списаны, и концессия потерпела существенный убыток, потому что отрабатывать долги никто не собирался³⁸.

Кризис внутри концессионного сектора постепенно углублялся. Существовал специализированный орган – Постоянная правительственная инспекция по наблюдению за концессионными предприятиями, имевшая региональные подразделения и головную структуру в качестве отдела по наблюдению в ГКК. Появление трений между инспекцией и концессионерами было связано с тем, что проверки выявляли отступление от концессионных договоров, нарушения законодательства, неисполнение ведомственных инструкций, частично распространявшихся на концессии. Таким путем они стремились решить свои финансовые и прочие проблемы за счет государства.

Одним из последовательных критиков методов работы иностранных концессионеров был Тюрников, председатель Постоянной правительственной инспекции по наблюдению за сельскохозяйственными концессиями в Северокавказском крае и по совместительству – заведующий Севкавказземуправлением. В августе 1928 г. он обнаружил подготовку вывоза крупновской концессией семенного зерна за границу, что противоречило положениям договора. Его вывод стал результатом апробации посевов, которую он инициативно провел в течение сезона и установил наивысшую сортовую чистоту почти всех собранных культур. Сам концессионер отказался от этой процедуры, хотя по условиям соглашения обязан был ее осуществлять ежегодно, и, получив формально хлеб продовольственного качества, запросил у Наркомзема

³⁴ Ленин В.И. О продналоге, о свободе торговли и концессиях // Ленин В.И. Полное собр. соч. М., 1970. Т. 43. Л. 224.

³⁵ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 3. Д. 310. Л. 254–258.

³⁶ Данишевский К.Х. Северолес // Северолес. Ежемесячный журнал гос. объединения лесной промышленности Северо-Беломорского края. 1922. № 1. С. 2–4.

³⁷ Liberman S.I. Building Lenin's Russia...

³⁸ ГА АО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 710. Л. 33.

лицензию на вывоз. Соображения концессионера были понятны, ведь семенное зерно ценилось выше продовольственного. Тюрников поднял на ноги московские наркоматы, но ГКК все равно выдал лицензию, мотивируя это тем, что кондиции зерна были установлены не совсем официально³⁹. В 1929 г., после обследования концессии «Друзаг», Тюрников дал негативную характеристику результатам ее деятельности, назвав их ничтожными, а политическую роль – отрицательной, ведь под ее крышей нашли приют «лишенцы» и бывшие белогвардейцы⁴⁰.

Риторика заведующего крайземуправления показательна для конца 1920-х гг. В начале эпохи концессий существовало терпимое отношение к «бывшим». В 1924 г. вернувшийся из эмиграции генерал Донской армии, по мнению облпрофсоюза, был уместен на должности сторожа, если он не «генералит» и навсегда перекрасился из белого в красный цвет, так как

революционные рабочие <...> не мстят побежденным, одураченным и раскаявшимся⁴¹.

Концессионеры нуждались в специалистах и просто грамотных работниках, поэтому сотрудники с сомнительным прошлым не были редкостью. Полярный исследователь Б.А. Вилькицкий, приглашенный советскими властями в Архангельск для организации Карских экспедиций, в своих воспоминаниях подтверждал, что всюду чувствовался недостаток сведущих лиц и ему приходилось встречаться с бывшими белыми офицерами и чиновниками, которые после мытарств чувствовали себя неплохо на различных должностях, рассказывая: «Живем вопреки большевикам и налаживаем жизнь во всех отраслях»⁴². В лесных концессиях была схожая ситуация: не уехавшие по каким-то причинам в эмиграцию бывшие владельцы и управляющие лесопромышленными предприятиями устраивались на работу не только в концессионные учреждения, но и в государственные хозяйственные органы как ценные специалисты, имеющие прежде всего навыки работы на экспорт и знающие мировой лесной рынок⁴³.

Со временем возобладало подозрение, что администрация концессионных предприятий пригрела под своим крылом контрреволюционный элемент. «Друзагу» ставились в вину принятые на работу бывшие помещики из черкесских родов Намитковых, Огузовых. Бывший владелец предприятия А.И. Пишванов работал в «Маньчэ», затем был уволен советским директором и лишен избирательных прав⁴⁴. Его родственник Г.Т. Пишванов как специалист-овцевод работал в «Друзаге», но в 1930 г. вместе с другими опытными скотоводами бы как лишенец также уволен⁴⁵.

Но наиболее частым основанием для напряженных переговоров с концессионерами были их финансовые обязательства, вытекающие из текста договоров. Незначительность долевых отчислений (по сути, плата за пользование землей), фактически перечисленных в государственную казну, была результатом уступок со стороны ГКК или прямых отказов концессий от уплаты. Льготы испрашивались в связи с неурожаем, несоблюдением графика полевых работ из-за задержки прибытия техники, жалобами на неповоротливость советских учреждений и т. д. Северные лесные концессии шантажировали власти закрытием производства и локаутом для

³⁹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1773. Л. 223–224, 227, 395; Оп. 4. Д. 9. Л. 220, 226–227.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 478. Он. 2. Д. 1283. Л. 160–160 об.

⁴¹ Там же. Д. 1777. Л. 49.

⁴² Вилькицкий Б.А. Когда, как и кому я служил... С. 50.

⁴³ Трошина Т.И. Внешнеторговые эксперименты в Архангельской губернии (1916–1921 гг.): исторический опыт выживания в условиях санкций // Арктика и Север. 2020. № 40. С. 122–141.

⁴⁴ ГА РО. Ф. Р-3570. Оп. 1. Д. 303. Л. 5.

⁴⁵ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 187.

20 тыс. рабочих, требуя различных льгот по налогообложению и сокращению социальных расходов⁴⁶.

Подобные инциденты не способствовали созданию атмосферы сотрудничества. Когда в лесной отрасли в 1925–1926 гг. возникали проблемы, в частности, из-за изменившейся конъюнктуры мирового рынка, ответственные учреждения и местные власти не шли навстречу капиталистам, которые просили не налагать штрафы в связи с неуплатой налогов. Начались задержки зарплаты, ее сокращение. Ответные забастовки создавали опасность срыва всех заготовительных работ. Проблемы насаивались, толкая концессионеров покинуть Россию с наименьшими потерями. Появлялись различные мошеннические схемы, что является отдельной темой.

Конфликты с региональными учреждениями и отраслевыми ведомствами были в немалой степени вызваны тем, что концессионные предприятия нарушали нормальный ход их работы, поскольку требовали соблюдения предоставляемых им по договору льгот и претендуя во многих иных случаях на исключительное привилегированное отношение. Эта позиция иностранцев не находила понимания даже у беспартийных спецов и тем более у бывших участников Гражданской войны. Ряд докладов и служебных записок, подготовленных руководителями среднего звена, свидетельствует, что они воспринимали все выявляемые нарушения советских интересов как личный вызов.

Гибкая линия Главконцескома: причины и последствия

Сотрудники республиканских учреждений указывали на «долготерпение Главконцескома» и чрезмерную, по их мнению, стоворчивость основного государственного учреждения, отвечавшего за реализацию концессионной программы СССР⁴⁷. Действительно, наиболее готовым к компромиссам с иностранными коммерсантами был Главный концессионный комитет. Его руководители и сотрудники считали себя выполняющими важную политическую миссию, целью которой было не только восстановление экономики страны, но и создание новой системы международных связей с целью предотвращения новой войны, к которой СССР в 1920-е гг. не был готов. Умиротворение концессионеров уступками вызывало непонимание решений ГКК со стороны республиканских ведомств. Тем более что послабления провоцировали новый нажим со стороны хозяев концессий.

Постоянно возникающие дискуссии вытекали из недостаточной проработанности проектов и текстов договоров, виновниками чего были как концессионные комиссии при торговых представительствах за рубежом, так и иностранные компании, не просчитавшие все риски. Концессионеры, перенеся опыт работы в дореволюционной России на новые социально-экономические реалии, столкнулись с жестким отношением ряда советских ведомств (таможенное управление, налоговые службы и т. д.) в тех ситуациях, когда рассчитывали на ранее привычное снисхождение.

Проекты ресурсно-сырьевых концессий, как правило, были слабо привязаны к местности. Сельскохозяйственные предприятия были организованы в южной степной зоне без достаточного обследования зоны земледелия. Перед подачей заявки на концессию представители фирм встречались с немцами, проживавшими и имевшими опыт хозяйствования в местах, где им предлагали участки, и получили уверенность в успехе⁴⁸. Однако уже на первых шагах они были неприятно удивлены нестабильностью климата и стоимостью полевых работ, которая выросла в 15 раз

⁴⁶ ГА АО. Ф. 352. Оп. 7. Д. 21 Л. 54–70.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1629. Л. 45.

⁴⁸ Там же. Д. 1779. Л. 118.

по сравнению с довоенной⁴⁹. Также предполагалось, что механизация производства будет осуществлена завозом немецкой техники, однако эта техника не зарекомендовала себя на целинных землях, быстро ломалась, и ее эксплуатация обходилась крайне дорого⁵⁰. Затем концессионеры перешли к вольной трактовке пунктов договора и прямому уклонению от их выполнения. Например, 9-польный севооборот, зафиксированный в договоре с «Манычем», был отвергнут как не подходящий для сухой степи, хотя по заключению агрономов именно он мог компенсировать сложности климата. Концессионеры отказывались от предоставления финансовой отчетности по правилам, утвержденным в СССР, и от составления организационно-производственного плана развития предприятия. Их аргументация состояла в том, что эти требования являются вмешательством во внутреннюю хозяйственную жизнь и нарушают коммерческую тайну.

Все эти разногласия стали, по общему признанию, следствием поспешности в подписании соглашений. Обе стороны питали надежду, что предполагаемая прибыль покроет ущерб от выявившейся в дальнейшем невыгодности договорных условий и что в будущем удастся согласовать позиции. Однако длительный период убыточности ряда ресурсно-сырьевых концессий усугублял взаимное непонимание с советскими учреждениями. Заявления о пересмотре договоров, требования передачи споров в третейский суд и угрозы ликвидации концессий были неперменной темой переписки с наркоматами и управлениями. В условиях неопределенности было проще следовать выгодным концессионеру правилам хозяйствования и манкировать выплату долевого отчисления в бюджет СССР. Концессионер то просил отсрочку ввиду неудачного года, то отказывался платить указанные в договоре платежи, ссылаясь на ведение переговоров о переподписании соглашения. После перезаключения договора концессионер отказывался покрывать невыплаченное ранее, мотивируя тем, что старые долги уплате не подлежат⁵¹. И перед сотрудниками концескомов вставал вопрос, как юридически оформить факт недоплаты⁵². В итоге за 1923–1927 гг. «Маныч» уплатил менее 20 тыс. руб., в то время как следовало бы около 60 тыс. руб. Руководство лесных концессий обязательства по платежам выполняло, но их интересы, направленные на пересмотр различных выплат, защищал трест-соучредитель («Северолес»)⁵³.

ГКК СССР чаще соглашался принять доводы иностранцев, в то время как Наркомзем и Концеском РСФСР оставались при особом мнении⁵⁴. То, что ГКК шел навстречу концессионерам чаще, чем республиканские учреждения, было связано со спецификой задач ведомств⁵⁵. ГКК отвечал за расширение концессионной политики, для чего нужно было поддерживать доверительные контакты с заграничными компаниями. Наркоматы и управления должны были учитывать интересы всей вверенной им отрасли, где иностранные концессии были лишь одним из ее секторов.

Выводы

Представленный материал, касающийся инцидентов вокруг иностранных концессий, показывает, что вряд ли их следует рассматривать как причину многочисленных производственных конфликтов, повсеместно наблюдавшихся в годы нэпа в Со-

⁴⁹ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1779. Л. 110, 119.

⁵⁰ Там же. Д. 1774. Л. 66–69.

⁵¹ Там же. Д. 1773. Л. 91.

⁵² Там же. Д. 1765. Л. 81; Д. 1767. Л. 50–51, 55, 147; Д. 1769. Л. 66; Д. 1771. Л. 200, 201; Д. 1772. Л. 35–35 об., 37, 201.

⁵³ ГА АО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1825. Л. 109, 115 об. – 117.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1770. Л. 35–35 об., 37, 40.

⁵⁵ См., напр.: ГА РФ. Ф. Р-8350. Оп. 1. Д. 1769. Л. 66.

ветской России. При всей близости требований (повышения зарплат, отмены сокращения штатов, улучшения условий труда и быта) присутствие по ту сторону спора иностранного предпринимателя превращало столкновение интересов в противостояние с миром западного капитала. Здесь мы видим конфликт между двумя путями восстановления страны: капиталистическим (нэп), который поддерживали, в первую очередь, хозяйственники, и социалистическим – в тех условиях инновационном, предполагающем выполнение всех социальных обязательств перед рабочими, который поддерживали, прежде всего, работающие непосредственно с населением и сталкивавшиеся с настроениями «низов» местные власти и партийные органы.

Наличие у концессионной программы столь глубоко эшелонированной полосы преград не могло сулить ей успеха. С течением времени ситуация лишь обострялась, ведь курс не давал ожидаемых плодов. В известной степени большевики исходили из того, что приверженность прогрессивным технологиям производства и стремление к эффективному хозяйствованию является имманентным свойством зрелого капиталистического производства. Практика показала иное, главным стимулом работы западных компаний в СССР оказалось получение прибыли.

Поступила в редакцию / Submitted: 03.12.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 11.04.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 24.04.2023

References

- Abrahamsen, E. “*Iz Seregova v Onegu. Vospominaniia o norvezhskom lesnom biznese v Rossii*” [From Seryogov to Onega. Memories of Norwegian timber business in Russia]. Arkhangelsk: SAFU Publ., 2016 (in Russian).
- Fel'dman, M.A. “Sovremennaia istoriografiia nepa; stoletii ne khvatilo [Modern historiography of the NEP; a century was not enough].” *New and Contemporary History*, no. 4 (2022): 27–41, <https://doi.org/10.31857/S013038640020234-5> (in Russian).
- Kletschina, O.G. “Novaia ekonomicheskaiia politika: nekotorye aspekty sovremennykh nauchnykh issledovaniy [New economic policy: some aspects of modern scientific research].” *Bulletin of Udmurt University: History and Philology*, no. 31 (2021): 764–776, <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2021-31-4-764-776> (in Russian).
- Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochintnii* [Complete set of works]. Moscow: Izdanie politicheskoi literatury, 1970, 5th ed. (in Russian).
- Levin, M., and Sheveleva, I. “Inostrannye kontsessii v 1920-kh godakh v SSSR: ‘pochemu rasstalis’? [Foreign concessions in the 1920s in the USSR: ‘why did they part’?].” *Economic issues*, no. 1 (2016): 1–20, <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2016-1-138-158> (in Russian).
- Liberman, S.I. *Building Lenin's Russia*. Chicago: University of Chicago Press, 1945.
- Minaev, M. “O nashikh kontsessionnykh peregovorakh [About our concession negotiations].” *Vneshniaia trgovlia: yezhenedel'nik NKVT* [Foreign trade: NKVT weekly], no. 20 (1922): 1–2 (in Russian).
- Mukhin, M.Yu. “Sto let izucheniia nepa. Vremia podvodit' itogi? [One Hundred Years of Studying the NEP. Time to sum up?].” *Russian History*, no. 5, (2020): 3–14, <https://doi.org/10.31857/S086956870012177-5> (in Russian).
- Troshina, T.I. “Vneshnetorgovye eksperimenty v Arkhangel'skoi gubernii (1916–1921 gg.): istoricheskii opyt vyzhivaniya v usloviyakh sanktsii [Foreign trade Experiments in the Arkhangelsk Province (1916–1921): Historical Experience of Survival under Sanctions].” *Arctic and North*, no. 40 (2020): 122–141, <https://doi.org/10.37482/2221-2698.2020.40.122> (in Russian).
- Yudina, T.V. *Sovetskie rabochie i sluzhashchie na kontsessionnykh predpriyatiyakh SSSR v gody NEPa* [Soviet workers and employees at the concession enterprises of the USSR during the years of the NEP]. Volgograd: VGU Publ., 2009 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Ольга Михайловна Морозова, д-р истор. наук, профессор кафедры связи с общественностью, Донской государственной технической университет; 344000, Россия, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1; olgafrost@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0001-8232-8189>

Olga M. Morozova, Dr. habil. hist., Associate Professor, Professor of the Department of Public Relations, Don State Technical University; 1, Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344000, Russia; olgafrost@gmail.com; <http://orcid.org/0000-0001-8232-8189>

Татьяна Игоревна Трошина, д-р истор. наук, профессор кафедры социальной работы и социальной безопасности, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова; 163004, Россия, Архангельск, ул. Набережная Северной Двины, 17; профессор кафедры гуманитарных наук, Северный государственный медицинский университет; 163000, Россия, Архангельск, Троицкий пр-т, 51; tatr-arh@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-5517-5949>

Tatiana I. Troshina, Dr. habil. hist., Associate Professor, Professor of the Department of Social Work and Social Security, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; 17, Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk, 163002, Russia; Professor of the Department of Humanities, Northern State Medical University; 51, Troitskiy Av., Arkhangelsk, 163000, Russia; tatr-arh@mail.ru; <http://orcid.org/0000-0001-5517-5949>